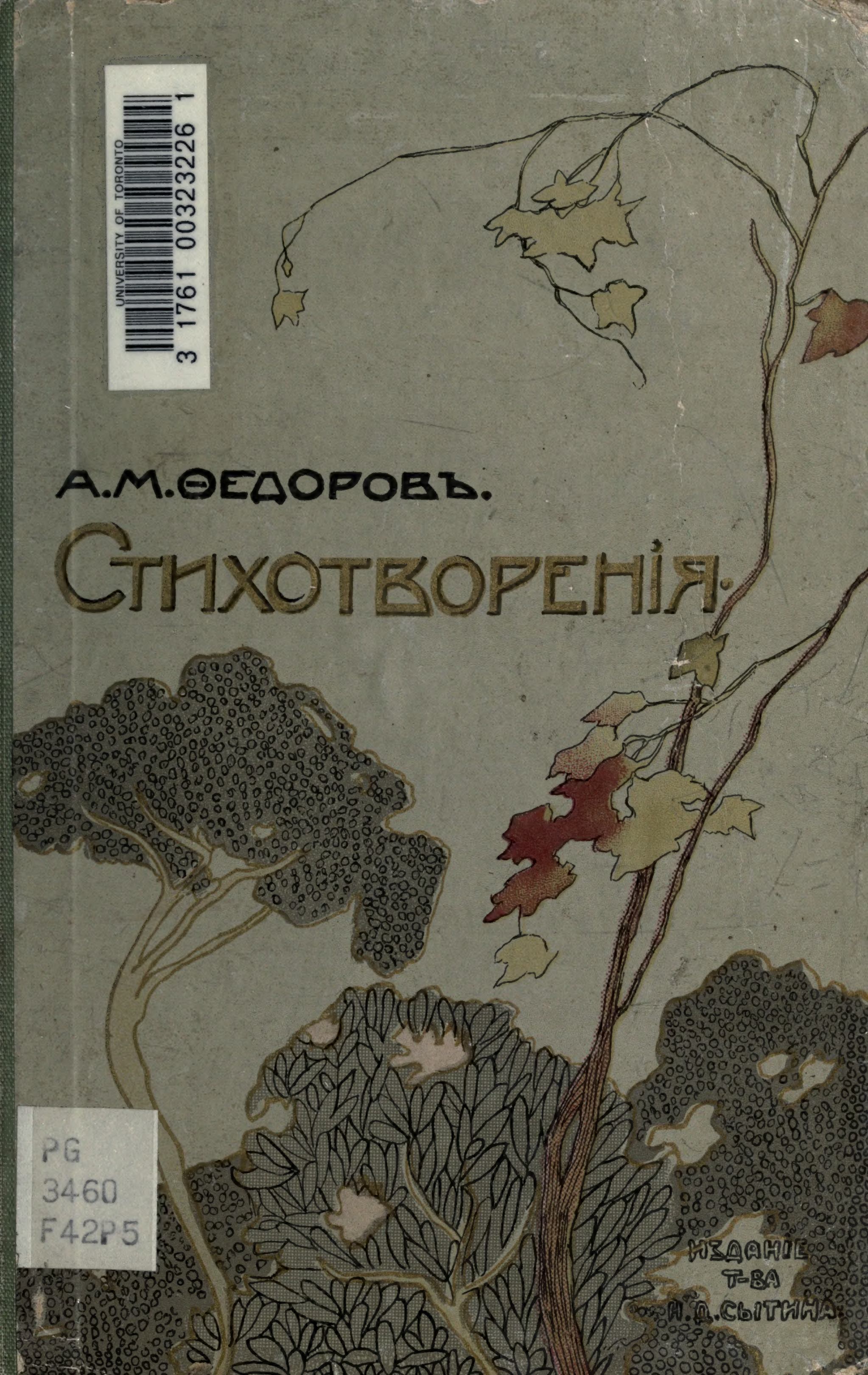

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00323226 1
А. М. ѲЕДОРОВЪ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.
PG
3460
F42P5
ИЗДАНІЕ
Т-ВА
И. Д. СЫТИНА

Соне от
Лены, благо-
дарю теб
за книжк

А. М. Өедоровъ.

Пѣсни земли.

Стихотворенія.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.
МОСКВА.—1909.

Пѣсни земли.

I.

Слушай, мой малютка: въ день, когда Христосъ
Посланъ былъ на землю, средь небесныхъ розъ
Новый кустъ съ шипами распустилъ цвѣтокъ.
Былъ багрово-красенъ каждый лепестокъ.

Этотъ кустъ съ шипами средь небесныхъ розъ
Поливаютъ капли непрестанныхъ слезъ.
Ангелъ Скорби слезы на землѣ сбиралъ
Лишь отъ тѣхъ, кто сердцемъ за другихъ стра-
далъ.

Слушай, мой малютка: средь небесныхъ розъ
Каждый день блѣднѣетъ тотъ цвѣтокъ отъ слезъ,
И когда онъ станетъ бѣлымъ, точно снѣгъ,
Будетъ въ мірѣ счастливъ каждый человѣкъ.

Слушай, мой малютка: всѣхъ людей жалѣй.
За себя лишь только слезъ своихъ не лей,
Чтобъ и эти слезы ангелъ не унесъ,—
А отъ нихъ краснѣетъ кустъ завѣтныхъ розъ.

II.

Мой отецъ былъ крестьянинъ-пастухъ.
Я въ крови сохранилъ его духъ:
По равнинамъ бродить я люблю,
Грустно пѣть и на небо глядѣть.
Чуткимъ ухомъ я звуки ловлю,—
Звуки ночи и яркаго дня.
Мнѣ пріятнѣй всѣхъ пѣсенъ земныхъ
Сочный свистъ перепелокъ степныхъ.
Первый жаворонокъ, трелью звеня,
Слаще скрипокъ ласкаетъ мой слухъ.
Мой отецъ былъ крестьянинъ-пастухъ.

Я люблю просыпаться съ зарей,
Видѣть травы въ росѣ голубой,
Розоватый туманъ у воды
И дрожанье послѣдней звѣзды.
Полусонно, какъ дѣти, цвѣты
Открываютъ душистые рты.

Подъ бугромъ еще пахнетъ костромъ.
Чистятъ гуси примявшійся пухъ.
Звонко стадо скликаетъ пастухъ.

Я люблю на низинахъ, на днѣ
Умирающій снѣгъ по веснѣ
И сквозь снѣгъ—полусонный побѣгъ.
Въ чистомъ полѣ люблю я ночлегъ
Подъ дрожащими искрами звѣздъ.
Вижу травъ непосѣянныхъ ростъ,
Слышу вздохи и трепетъ земли.
Все земное я страстно люблю!
О земномъ я и небо молю.
Мнѣ милѣй всѣхъ друзей журавли.

III.

Воспоминаніе.

По дорогѣ степной возъ лѣниво скрипѣлъ.
Кто-то рядомъ съ нимъ шелъ и задумчиво пѣлъ.
Сонный мальчикъ лежалъ на возу.
Крѣпко яблоки пахли подъ нимъ, какъ въ саду,
Онъ на звѣзды глядѣлъ. И порой, какъ слезу
Небо въ сумракъ роняло звѣзду.

Уже осень была. Свѣжесть шла отъ травы.
Холодкомъ отливалъ влажный блескъ синевы.
Но тепло подъ мужицкимъ рядномъ.
Мальчикъ слушалъ печальную пѣсню, дремля,
И казалось ему, съ ней поютъ объ одномъ,
Въ небѣ звѣзды поютъ и земля.

Съ той поры много лѣтъ, много лѣтъ утекло.
Но такъ живо я помню, такъ дивно свѣтло
Помню я эту ночь и себя,
Запахъ яблокъ и травъ на просторѣ степномъ...
И печальную пѣсню я слышу, любя,—
Слышу пѣсню о краѣ родномъ.

IV.

Мѣсяцъ серебряный лукъ натянулъ,
Въ море алмазныя стрѣлки метнулъ;
Звѣзды его окружили,
Въ плѣнъ золотой заключили.
Блещетъ роса и горятъ свѣтляки.
Роемъ на лампу летятъ мотыльки.
Вѣтка въ окно протянулась, какъ лапа.
Въ дѣтской все смолкло. Не видно огня.
Вотъ голосокъ долетѣлъ до меня:
«Благослови меня, папа».

V.

Въ дѣтской.

Сладко мальчикъ спитъ въ кроваткѣ.
    Въ дѣтской такъ тепло.
У иконы свѣтъ лампадки
    Брезжитъ сквозь стекло.
Мягко маятникъ считаетъ
    Зимней ночи ходъ,
Затихаетъ, замираетъ
    Въ сердцѣ шумъ заботъ.
Спитъ мой маленькій сыночекъ.
    Миръ и тишина.
На подушкѣ, какъ цвѣточекъ,
    Голова видна.
Слышно, какъ онъ дышитъ даже;
    Мнится, видитъ взглядъ

Херувимовъ, что на стражѣ
У него стоятъ.
Вся-то въ немъ моя отрада,
Все тепло и свѣтъ.
Больше счастья мнѣ не надо,
Да и больше нѣтъ.

VI.

Еще вчера, пустынно-голы,
Стояли желтый лугъ и лѣсъ,
А нынче утромъ снѣгъ веселый
Летитъ съ нахмуренныхъ небесъ.

Кружась подобно бѣлымъ мухамъ
Въ туманно-сизой полумглѣ,
Онъ осѣдаетъ легкимъ пухомъ
На крышахъ, вѣткахъ и землѣ.

Вездѣ развѣсилъ свой нарядъ онъ
Тамъ бахрома, а тутъ коверъ.
Ужъ на опушкѣ отпечатанъ
Слѣдовъ запутанный узоръ:

То косоглазые зайчишки
Промчались парой по зарѣ.

Порошѣ радуясь, мальчишки
Въ снѣжки играютъ на дворѣ;

Ихъ смѣхъ задоренъ, веселъ, звонокъ,
Весна несетъ имъ тьму затѣй,
И даже пѣгенькій теленокъ
Мычитъ въ подклѣти веселѣй.

VII.

Люблю я русскую зиму,
Мерцанье зорь ея морозныхъ
И голубую полутьму
Ночей торжественныхъ и звѣздныхъ.

Люблю забавы деревень:
Охоту, бѣгъ скрипучій санокъ;
Люблю гостить я, тѣша лѣнь,
На посидѣлкахъ у крестьянокъ;

Тамъ слушать, горе позабывъ,
Веселыхъ шутокъ перепалки
И пѣсни русской переливъ
Подъ томный говоръ самопрялки.

Когда же снѣга облака
Взметаетъ вьюга съ воплемъ ярымъ, —

Люблю сидѣть у огонька
Я за кипящимъ самоваромъ,

Отъ няни, вяжущей чулокъ,
Внимать и быль и небылицы,
Слѣдя какъ вертится клубокъ
И на свѣту мигаютъ спицы.

VIII.

Волки.

Ѣду я въ простой кибиткѣ.
Кони веселы и бойки.
Бубенцы звенятъ... По снѣгу
Тѣнь бѣжитъ отъ нашей тройки.

Въ голубую эту полночь
Не могу отвлечь я взора
Отъ хрустальныхъ звѣздъ на небѣ
И отъ синяго простора.

При лунѣ далеко видно,
Какъ изъ лѣса гордо, тихо
На опушку парой вышли
Волкъ матерый и волчиха

И, слегка визжа, по снѣгу
Стали прыгать и валяться...
Этой ночью въ царствѣ лѣса
Имъ ли путника бояться!

IX.

Зимняя дорога.

Лунная ночь. Далеко до ночлега,
Блещетъ узорами звѣздъ небосклонъ.
Сосны и ели въ порфирахъ изъ снѣга
Дремлютъ съ обѣихъ сторонъ.
Въ грезахъ своихъ унесся далеко я...
Глуше и глуше бубенчика звонъ...
Что за волшебное царство покоя!
Что за чарующій сонъ!

X.

Власть зимы еще сурова,
Но все чаще день отъ дня
Блескъ и ласки солнца снова
Стали радовать меня.

Стаялъ снѣгъ въ оконныхъ стеклахъ,
Оживились воробьи,
И по полднямъ съ крышъ обмоклыхъ
Льются мутныя струи.

Солнца розовыя пятна
Бродятъ въ комнатѣ весь день,
И душа грустить невнятно
Сквозь плѣнительную лѣнь.

XI.

Суббота.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Какъ тишина чутка.
Земля темна, а глубь небесъ свѣтла
И такъ таинственно-близка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Прозрачна и легка,
Въ настороженныхъ вѣткахъ бродитъ мгла—
Предвѣстница весенняго тепла.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Звенитъ моя тоска
Предчувствіемъ весны, и ожила
Моя душа, какъ подо льдомъ рѣка.

Послушай, какъ звонятъ колокола
Издалека. Ни вздоха вѣтерка.
Ночь первую звѣзду свою зажгла.
Весна идетъ. Жди перваго цвѣтка.

XII.

Къ зимѣ не будетъ поворота.
Снимаетъ бѣлый мѣхъ земля.
Летитъ за первой каплей сота
Пчела, хмелѣя и дремля.

Ручей во рву запѣлъ, запрыгалъ.
Еще подъ сѣнью сосенъ снѣгъ,
Но межъ осыпавшихся иголъ
Пробился радостный побѣгъ.

Въ вѣтвяхъ, свѣтящихся живѣе,
Перекликаются дрозды,
И дѣтскихъ ножекъ по аллеѣ
Игриво спутались слѣды.

Съ молитвой тянутся смиренно
Вѣтвями къ небу тополя.
О, солнце, будь благословенно!
Благословенна будь земля!

XIII.

Журавли.

Журавли, журавли прилетѣли!
Нынче я увидалъ изъ окна,
Какъ они покружились и сѣли.
Журавли, журавли прилетѣли
И свѣтлѣй улыбнулась весна.

На землѣ черноземной и влажной
Журавли собрались на совѣтъ.
Какъ согласенъ ихъ говоръ протяжный.
На землѣ черноземной и влажной
Жизнерадостнѣй музыки нѣтъ.

Я сегодня въ весеннемъ туманѣ.
Самъ не свой, я безъ цѣли брожу.
Журавли на холмахъ, на полянѣ,
Я сегодня въ весеннемъ туманѣ
И любимыя пѣсни твержу.

Въ старомъ домѣ все вновь оживаетъ:
  Госпожа изъ далекой земли
  Каждый годъ по веснѣ прiѣзжаетъ.
Въ старомъ домѣ все вновь оживаетъ.
  О, какъ я васъ люблю, журавли!

XIV.

Золотой дождь.

Какое волшебство! Горитъ закатъ огнистый,
А дождь, весенній дождь, сіяньемъ облитой,
И льется, и шумитъ, веселый и струистый,
И каждой капелькой блеститъ, какъ золотой.

Порою облака зигзаги молній мечутъ,
И радостно гремитъ раскатомъ смѣха громъ.
А ласточки звенятъ, а ласточки щебечутъ,
Рѣзвясь, какъ дѣти подъ дождемъ.

XV.

Ковыль.

Мы ѣхали шагомъ. Бубенчики странно
Звенѣли, какъ будто дремля;
И слѣва и справа бѣлѣлся туманно
Сѣдѣющій пухъ ковыля.

Съ задумчивымъ небомъ сливались въ безсильи
Созвѣздій родныхъ янтари;
Смѣлѣе и шире взвивалися крылья
Побѣдной весенней зари.

Росилася степь, и росою прибита
Была придорожная пыль;
На ней отмѣчались колеса, копыта...
И слѣва и справа — ковыль.

Ямщикъ задремалъ. Такъ беззвучно, безлюдно
Маячила даль въ полумглѣ,

Что какъ-то повѣрить казалося трудно,
Что мы не одни на землѣ,

Что гдѣ-то есть люди, борьба и тревога...
Что все здѣсь не сказка, а быль:
Степь, тройка, бубенчикъ, заря и дорога, —
И слѣва и справа — ковыль.

XVI.

На весенней зарѣ.

Весною, помнишь, на разсвѣтѣ,
Всю ночь въ дорогѣ проведя,
Мы были радостны, какъ дѣти,
Какъ послѣ теплаго дождя
Вся эта степь. Въ ушахъ звенѣли
Веселымъ звономъ бубенцы.
Зарею тучи заалѣли,
А первыхъ жаворонковъ трели
Будили утро, какъ гонцы.

Покуда намъ перепрягали
Въ деревнѣ тройку, мы съ двора
Къ большому озеру сбѣжали.
Собаки лаемъ провожали
Насъ у воротъ. Трава мокра
Была отъ дождика; съ долины
Былъ слышенъ свистъ перепелиный;

Въ деревнѣ жеребенокъ ржалъ,
И воздухъ весело дрожалъ.

Отъ заревой прохлады было
Свѣжо и сыро у воды.
Недвижно озеро застыло,
Но ужъ на немъ вились слѣды:
Тамъ—рыбы легкіе кружочки,
А здѣсь—царапины стрижа.
Какъ будто воду сторожа,
Стоялъ преважно гусь на кочкѣ,
Весь отраженъ въ водѣ до точки.

Другіе гуси шли съ луговъ,
Мелькая въ зелени далеко,
Подобно нити жемчуговъ.
И все: вода, луга, осока,
И даже гусь на кочкѣ той,
Улыбкой алою зардѣлось;
Земля такою чистотой
Сіяла здѣсь, что загорѣлась
Душа, и мнѣ такъ славно пѣлось!

XVII.

Гумеръ-Зая.

Гумеръ-Зая, цвѣтокъ степной,
Цвѣтокъ простой и безуханный,
Расцвѣлъ ты раннею весной,
Еще холодной и туманной.

Лишь только началъ таять снѣгъ
И по холмамъ и по пригоркамъ
Нетерпѣливый твой побѣгъ
Ужъ задрожалъ на солнцѣ зоркомъ.

Гумеръ-Зая,—мгновенный цвѣтъ,—
Зоветъ тебя кочевникъ дикій.
Цвѣтокъ-пророкъ, цвѣтокъ-поэтъ
И вѣстникъ радости великой,—

Ты бѣлый вѣнчикъ распустилъ,
Какъ знамя мира послѣ боя;
Землѣ побѣду возвѣстилъ
И палъ съ величіемъ героя.

XVIII.

Первыхъ травъ побѣги,
Зыбкіе, какъ пухъ.
Отъ весенней нѣги
Замираетъ духъ.

И томитъ дремота.
Но куда тутъ спать.
Хочется мнѣ что-то
Вспомнить, отгадать:

Дѣтство... тайну ласки...
Нѣтъ, не то, не такъ.
Это было въ сказкѣ,
Но не знаю—какъ.

Первая фіалка.
Первый дождь ночной.
Отчего такъ жалко
Мнѣ себя весной?

XIX.

Вечеръ.

Шумъ дневной утихъ съ закатомъ,
Вечеръ кротко молчаливъ.
Влажно-теплымъ ароматомъ
Потянуло съ спѣлыхъ нивъ.

Облака завечерѣли
Въ пышныхъ грудахъ алыхъ розъ.
Ближе жаворонка трели,
Мягче тиканье стрекозъ.

Звонъ вечерній колокольный,
Одинокихъ вѣрный другъ,
Словно голосъ богомольный,
Разливается вокругъ.

Мѣдный звонъ благословенье
Призываетъ на поля.
Миръ вамъ, бѣдныя селенья.
Миръ тебѣ, о, мать земля.

XX.

Цвѣлъ миндаль. Въ сіяющихъ долинахъ
Травы пили солнце и росу.
По ночамъ отъ пѣсенъ соловьиныхъ
Звонъ стоялъ въ разбуженномъ лѣсу.

На вѣтвяхъ листва не распустилась,
Но ужъ почки жизнь разорвала.
По стволамъ слезами засвѣтилась
На корѣ янтарная смола.

Цвѣлъ миндаль, и солнца лучъ лелѣялъ
Каждый листикъ свѣжій и побѣгъ,
А когда весенній вѣтеръ вѣялъ,
Лепестки летѣли точно снѣгъ,

Осыпали свѣтлыя аллеи,
И по ихъ атласному ковру
Тѣни вѣтокъ, сплетшися, какъ змѣи,
Трепетали нѣжно поутру.

XXI.

Звонили къ вечернѣ. Заря погасала;
На мигъ она вспыхнула ярко,
И стало все такъ золотисто и ало
Въ аллеяхъ весенняго парка:

Промокшій песокъ и дорожки, и лужи,
И тонкія голыя вѣтки.
Минули холодные вихри и стужи,
И птицъ выпускали изъ клѣтки.

И нѣжно лицо твое все засіяло
Въ прощальномъ цѣлующемъ свѣтѣ.
Въ глазахъ засвѣтилось, въ губахъ задрожало...
А гдѣ-то смѣялися дѣти.

XXII.

Нынче солнце теплое весеннее.
Кто-то улыбнулся издали.
Море все яснѣе и смиреннѣе;
Облака плывутъ, какъ корабли.

Вѣетъ вѣтеръ влагой надъ рѣсницами
И въ глаза цѣлуетъ, какъ дитя.
Всѣ идутъ съ обласканными лицами.
Вѣтки къ солнцу тянутся, блестя.

Таетъ снѣгъ. Все ожило и свѣтится:
Стѣны, черепицы красныхъ крышъ.
Такъ и ждешь, что кто-то близкій встрѣтится,
И провидишь что-то и таишь.

XXIII.

Послѣ грозы.

Промчалась вешняя гроза,
Ручьи запѣли звонко,
И небо ясно, какъ глаза
Невиннаго ребенка.
Обрызганъ влагой дождевой,
Лѣсъ точно въ ожерельѣ.
Шумитъ, смѣется, какъ живой...
И гомонъ и веселье.
Природа дивно хороша.
Гроза ей какъ не снилась,
И заодно моя душа
Съ природой обновилась.

XXIV.

Отгремѣли въ дымныхъ тучахъ разыгравшіеся
громы,
Отблистали молній жгучихъ быстролетные из-
ломы,
Вырываяся, какъ лава, струйкой яркою, не-
жданно
Изъ расщелинъ и изъ трещинъ огнедышащихъ
вулкана;

И весенній дождь веселый голубыми полосами
Палъ на нивы и на долы, окаймленные лѣсами,
Палъ счастливыми слезами первой страсти, веш-
ней страсти,
У которой всѣ богатства, вся вселенная во
власти.

Зашептался, засмѣялся дождь въ саду моемъ
зеленомъ;

Каждый листикъ отозвался вздохомъ, трепетомъ иль звономъ...
Садъ стоялъ въ цвѣту, весь бѣлый, цѣломудренно стыдливый,
Какъ невѣста въ свѣтломъ храмѣ, благодарный и счастливый.
Дождь прошелъ съ улыбкой вешней. Садъ умолкъ и притаился,
Точно онъ душой безгрѣшной благодарственно молился,
И по небу изъ-за тучи съ серебристыми краями
Торжествующее солнце разбѣжалося лучами.

XXV.

На зарѣ, въ весенній тихій вечеръ
Поливала дѣвушка цвѣты.
Свѣтъ зари, какъ жаръ, горѣлъ на стеклахъ,
Золотилъ жасминные кусты;

И цвѣты какъ будто уже знали
Эту поступь легкую и взглядъ,
Эту руку розовую съ лейкой,
И лицо и простенькій нарядъ.

Изъ цвѣтовъ одни напоминали
Восковыя свѣчи въ алтарѣ,
А другіе—бабочекъ, иль звѣзды,
Трепетныя звѣзды на зарѣ.

Точно дѣти, всѣ они смѣялись
И шептались, головы склоня,
Каждый разъ, какъ дождь въ лицо имъ брызгалъ
И сбѣгали капельки, звеня.

А когда она ихъ оставляла,
Всѣ они молились передъ сномъ
О ея едва расцвѣтшей жизни,
Красотѣ и счастіи земномъ.

XXVI.

Кротокъ, молчаливъ разсвѣтъ весенній.
Еще день рѣсницы не открылъ,
А ужъ кто-то звѣзды погасилъ.
Я одинъ и вижу сонъ растеній.

Всѣ они другъ къ другу на зарѣ,
Точно дѣти, ласково прильнули.
Съ ними вмѣстѣ жаворонки уснули
Подъ росой, какъ въ тонкомъ серебрѣ.

Отраженный матовымъ стекломъ
Озера, въ осокѣ онѣмѣлой,
Гордый лебедь спитъ съ лебедкой бѣлой,
Хороня головки подъ крыломъ.

XXVII.

Сирень.

Пора цвѣтенія сирени.
Куда ни посмотри—сирень.
Аллеи—какъ въ лиловой пѣнѣ,
И люди бродятъ точно тѣни,
И тѣни движутся весь день.

Въ концѣ аллеи до заката
Синѣетъ моря полоса.
Прилипъ къ ней парусъ, какъ заплата,
И все въ чаду отъ аромата,—
Вода, земля и небеса.

Въ аллеѣ—дѣтская коляска.
Сирень раскинулась шатромъ.
Ребенка усыпила ласка.
Надъ нимъ сиреневая сказка
Играетъ пурпурнымъ шаромъ;

То закачаетъ своенравно,
То остановитъ. Шаръ внутри
Все отражаетъ такъ забавно:
Коляску, небо, парусъ... Славно
Сирень, куда ни посмотри.

XXVIII.

Эта ночь отъ неба до земли
Налита сіяніемъ и снами.
Одинокій хуторъ издали
Ярко свѣтитъ бѣлыми стѣнами.

На тѣни отчетливъ каждый листъ.
Тишина безбольной грустью ранитъ.
Все молчитъ; лишь перепела свистъ
Влажнымъ боемъ полуночь чеканитъ.

Я иду дорогою степной;
Какъ рѣка, дорога серебрится.
Пролетѣла низко надо мной
На беззвучныхъ мягкихъ крыльяхъ птица;

Я ее не видѣлъ,—по землѣ
Только тѣнь скользнула, какъ живая.
Придорожный тополь въ лунной мглѣ,
Точно призракъ, грезитъ, замирая.

XXIX.

Съ юга.

Ужъ здѣсь все расцвѣло и дерзостно и пышно,
А тамъ—едва весна!..
Еще въ поляхъ кой-гдѣ ручьевъ журчанье слышно,
Еще рѣка мутна.

Но влажныя поля браздя и въ дождь и въ вёдро,
Давно блеститъ соха,
И по зарямъ звучитъ плѣнительно и бодро
Рогъ звонкій пастуха.

Прозрачный, теплый паръ стоитъ въ лѣсу знакомомъ;
Лѣсъ въ чуткой дрёмѣ ждетъ,
Когда всѣ почки вдругъ веселымъ первымъ громомъ
Побѣдно разорветъ,

И выглянетъ на свѣтъ листокъ душисто-липкой,
И въ тишинѣ ночей,
Взволнованъ, какъ мечтой, весны живой улыбкой,
Заплачетъ соловей...

Весна на сѣверѣ! О, гдѣ слова и краски,
Чтобъ передать вполнѣ,
Какъ все вокругъ даритъ застѣнчивыя ласки
Въ родной моей странѣ!

XXX.

Утро знойно и румяно;
Горы дремлютъ въ синей мглѣ;
Точно стихъ изъ алкорана,
Вьются змѣи на скалѣ.
Море спитъ. Вдругъ, дикъ и звонокъ,
Смѣхъ послышался... И вотъ,
Черноглазый татарчонокъ
Прыгнулъ въ море и плыветъ.
Брызги вверхъ летятъ каскадомъ.
Въ нихъ, любовно горячи,
Блещутъ радужнымъ нарядомъ
Солнца яркіе лучи.

XXXI.

Свѣжій вѣтеръ мнѣ весело тянетъ въ упоръ,
Какъ живой, шевелитъ волоса.
Предо мною степной опустѣлый просторъ,
Высоко надо мной небеса.

Лучезарная ясность кругомъ разлита,
Миръ, осенняя бодрая тишь.
Далеко силуэтъ одинокій креста
На могильномъ холмѣ различишь.

Зоркій ястребъ на волѣ кругами паритъ.
Но степная равнина мертва,
И, проржавѣвъ въ росѣ, старой бронзой блеститъ
Отъ осенняго солнца трава.

Обнаженные стебли кругомъ шелестятъ,
Какъ надъ тихой могилой парча.

Но въ душѣ моей пѣсни надежды звучатъ,
И въ груди моей кровь горяча.

И бреду я одинъ, все впередъ и впередъ.
Свѣжій вѣтеръ мнѣ тянетъ въ упоръ,
И воскресшее сердце къ свободѣ зоветъ
Этотъ вольный родимый просторъ.

XXXII.

Межъ теплыхъ облаковъ пылаетъ полоса—
Зари улыбка золотая.
Съ землей простился день, и ангелъ небеса
Благословляетъ, облетая.

Еще не видно звѣздъ и даль еще ясна.
А тамъ, гдѣ тянется дорога,
Древесная листва, какъ вязь изъ чугуна,
Чернѣетъ письменами Бога.

Какая тишина, и какъ покой глубокъ.
Земля, о, будь благословенна!
Пусть, кто усталъ страдать и въ мірѣ одинокъ,
Ждетъ также ночь свою смиренно.

XXXIII.

Степная ночь молилась Богу,
И Богъ съ небесъ благословилъ
Хлѣба и травы и дорогу,
Гдѣ я съ тобою проходилъ.

Надъ степью рѣялъ гулъ печальный,
Какъ дальній звонъ колоколовъ.
Журчалъ въ немъ хоръ сверчковъ хрустальный,
Плескался свистъ перепеловъ.

Звѣзда пронзила мракъ, и въ очи
Взглянула мнѣ душа весны,
Широкой степи, кроткой ночи
И златоокой тишины.

XXXIV.

Въ полуднѣ солнце. Млѣетъ даль;
Снопы горятъ въ лучахъ кострами;
Сквозится воздухъ, какъ хрусталь,
Струясь волнистыми парами.

Кусты, дорога и курганъ,
Теряя въ немъ изломы линій,
Бѣгутъ, какъ рѣющій обманъ
Надъ заколдованной пустыней.

Мысль смутно бредитъ отъ жары.
Кто тамъ мелькаетъ грезой бѣлой?
Стою и жду оцѣпенѣлый.
Снопы пылаютъ, какъ костры.

XXXV.

Надъ багрянымъ западомъ нависли
Сны морей—дымящіяся тучи.
А вдали, на самомъ горизонтѣ
Деревца рисуются такъ четко,
Точно тамъ ихъ въ золото вковали.
Надъ хлѣбами птицы замолчали.
Какъ здѣсь тихо, Господи! Какъ кротко

XXXVI.

Зарницы.

Сохнетъ рожь, и всю-то ночку напролетъ,
Затмевая звѣздъ окрестный хороводъ,
За горою, какъ сіяніе жаръ-птицъ,
Пышутъ взгляды разыгравшихся зарницъ.

Я скачу по степи блѣдной на конѣ.
Стукъ копытъ звучитъ, побѣдный, въ тишинѣ.
Степь то вынырнетъ изъ тьмы, то пропадетъ,
Словно съ небомъ игры смѣлыя ведетъ.

Блескъ погаснетъ, — тьма нахмурится кругомъ.
Точно въ бездну я лечу съ своимъ конемъ.
Сердце дрогнетъ. Въ сладкомъ ужасѣ замретъ.
Но зарница свѣтлоокая блеснетъ, —

И мгновенно жаднымъ взоромъ обоймешь
Степь и даль и засыхающую рожь.

XXXVII.

Въ башкирской степи.

I.

Ковыль цвѣтетъ. Вся степь какъ бы сѣдая.
Я ѣду вдаль... Куда ни посмотрю,—
Вездѣ просторъ безъ грани и безъ края,
И все поетъ, цвѣтетъ, благоухая,
Какъ гурію, привѣтствуя зарю.

Я опьяненъ. Иль вижу въявѣ диво?
Иль грезитъ степь былымъ передо мной?
Арабскій конь промчался горделиво:
То Зюлькарнейнъ ведетъ полки спесиво,—
Но мирный скиѳъ отхлынулъ предъ войной.

Войска прошли. Опять игра тумана:
Чудь... Половцы... Біарміи орда...
Какъ сонмы тучъ, какъ волны океана,

Колышутся обозы Тамерлана,
Звенятъ мечи, кровь льется, какъ вода.

Кричатъ орлы. Зловѣщій воронъ стонетъ...
Туманъ исчезъ, и даль опять свѣтла.
Но кто тамъ вновь? Иль вѣтеръ тучу гонитъ?
Иль снова степь кого-нибудь хоронитъ?
То Русь идетъ... гудятъ колокола...

Очнулся я. Волшебствъ исчезла сила.
Передо мной безпечно степь цвѣтетъ.
Нѣмой курганъ, безвѣстная могила...
Лишь о минувшей вольности уныло
Башкиръ-ямщикъ тоскуетъ и поетъ.

II.

Какая даль! Какой просторъ!
Въ степи, какъ въ небѣ, тонетъ взоръ,
И мысль летитъ за нимъ вослѣдъ,
И ей нигдѣ преграды нѣтъ.

Кругомъ зеленый океанъ.
На немъ—волной застылъ курганъ,
И всюду, пѣной бурныхъ водъ,
Ковыль серебряный цвѣтетъ.

Порою, съ вѣтромъ наравнѣ,
Башкиръ промчится на конѣ...
Стада овецъ, обоза цѣпь,
Аулъ... А тамъ—все та же степь,

Все та же ширь, все та же даль,
Все тѣхъ же рѣкъ живая сталь...
    Здѣсь царство ясной тишины.
    Здѣсь ложе сѣверной весны.

III.

Разсвѣтъ.

Отъ сіянія побѣдной
Алой утренней зари
Грустно меркнетъ мѣсяцъ блѣдный,
Звѣздъ тускнѣютъ янтари.

Вѣтерокъ летитъ, вздыхая,
Передъ близостью утра,
И съ зеленой степи, тая,
Поднимается чадра.

Въ красотѣ своей волшебной
Развернулась степь кругомъ;
Птичьихъ гимновъ звонъ хвалебный
Палъ на грудь ея дождемъ,

И, дивясь великолѣпью
Каждой травки и цвѣтка,
Точно лебеди, надъ степью
Серебристой встали цѣпью
Кочевыя облака.

IV.

Полдень.

Зноенъ полдень. Степь не дышитъ,
Влаги ждетъ земля.
Сонный вѣтеръ не колышитъ
Пухомъ ковыля.

Неподвижно солнце встало
Въ блѣдной синевѣ.
Кобылицы тупо, вяло
Замерли въ травѣ.

Смолкли птицы, прячась въ гнѣздахъ;
Все молчитъ безъ грезъ,
Лишь звенитъ, струяся, воздухъ
Тиканьемъ стрекозъ;

Да кругами вольный кречетъ
Правитъ свой полетъ —
Тамъ, гдѣ солнце стрѣлы мечетъ
Съ голубыхъ высотъ.

V.

Вечеръ.

Посмотри, съ горы отлогой,
Точно каменный обвалъ,
Пыль крутя, въ аулъ убогій
Скотъ на отдыхъ побѣжалъ.

Топотъ, ревъ, блеянье, крики,
Трескъ пастушьяго кнута,—
Все слилося въ хаосъ дикій,
Всюду шумъ и суета.

Скоро все угомонится.
Блекнетъ вечеръ. Молкнетъ гулъ.
Съ звонкимъ ржаньемъ кобылицы
Пронеслись въ родной аулъ.

Наступаетъ вечеръ мирный—
Семьи къ ужину сошлись;
И, дымясь, струею жирной
Въ ведра прядаетъ кумысъ.

VI.

Ночь.

Я вышелъ въ степь. Одѣта тьмою,
Подъ звѣздоносною чалмою,
Спитъ золотая и не спитъ;
Все слышитъ, видитъ и звенитъ
Ночнымъ стозвучнымъ дружнымъ хоромъ...
Надъ всѣмъ торжественнымъ просторомъ,
Въ густой травѣ, вблизи, вдали
Перепела, коростели
Перекликаются... Чуть дышитъ
Прохладой влажный вѣтерокъ
И травы сонныя колышитъ...
Меланхоличенъ и далекъ,
Звенитъ бубенчикъ серебристый,
И въ уремѣ густой, душистой,
Въ какомъ-то страстномъ забытьи,
Зовутъ къ блаженству соловьи.

XXXVIII.

Паруса.

Всплеснулся, ожилъ, вздулся парусъ,
И оторвалася земля.
Какъ распустившійся стеклярусъ,
Слѣдъ разбѣжался отъ руля.

Сверкаютъ блестки въ бѣлой пѣнѣ:
Лазурь и зелень и огонь.
Летитъ по зыблемой аренѣ
Мой бѣлый окрыленный конь.

Благословенный день для спорта.
Взвѣваетъ вѣтеръ волоса.
Налѣво — кренъ. Полоска борта,
И въ отраженьѣ — паруса.

Ихъ нынче въ морѣ много-много.
Стихія вольнымъ колыбель;
Имъ въ бездорожіи дорога,
Въ живой безцѣльности ихъ цѣль.

XXXIX.

Умирающее лѣто.

Пышнѣй и ярче все на склонѣ лѣтнихъ дней:
Алѣе пурпуръ зорь на небѣ отдаленномъ,
Свѣтлѣе трепетъ звѣздъ, синѣе мракъ ночей,
Прозрачнѣй глубь волны на озерѣ студеномъ.

Но смерть уже грозитъ. Жестокая рука
Сорветъ съ земли вѣнецъ, налитый ароматомъ.
Ужъ чую холодокъ зловѣщій вѣтерка:
То вѣстникъ осени, безтрепетный, какъ фатумъ.

Блескъ звѣздъ все холоднѣй, и въ немъ про-
видитъ глазъ
Мертвящій взглядъ зимы, упорный и безстраст-
ный:
Такъ иней и роса сверкаютъ, какъ алмазъ,
По зорямъ осени безжизненной, но ясной.

Кой-гдѣ ужъ листъ упалъ и яркій цвѣтъ поблекъ,
И, точно капли слезъ, забвенья и обиды,
Съ небесъ струится звѣздъ блистающій потокъ:
То, искрясь, надъ землей летятъ Андромедиды.

XL.

Вѣтеръ поётъ въ корабельныхъ снастяхъ,
Пѣсню свободы поетъ.
Мачта то чертитъ узоръ въ небесахъ,
То глубоко упадетъ.

Хлещутъ зеленыя волны въ борта,
Пѣнятся, блещутъ, звенятъ.
Море да небо. А тамъ—суета,
Тамъ несмолкаемый адъ.

Сердце звенитъ и поетъ, какъ струна,
Пѣсню свободы поетъ.
Чайка—и та ужъ нигдѣ не видна.
Дальше—о, дальше впередъ!

Къ мачтѣ прижавшись, одинъ я стою.
Сердце готово къ борьбѣ.
Море, я душу тебѣ отдаю!
Море, ввѣряюсь тебѣ!

Слезы надежды блестятъ на глазахъ,
Падаетъ бремя невзгодъ.
Вѣтеръ поетъ въ корабельныхъ снастяхъ,
Пѣсню свободы поетъ.

XLI.

Все поля да поля—
Опустѣлыя, хмурыя,
И надъ ними, дремля,
Бродятъ тучи понурыя.
Холодно и темно.
Даль въ туманѣ не свѣтится.
Здѣсь лишь горе одно
Съ одиночествомъ встрѣтится.

XLII.

На волѣ.

I.

Костеръ погасъ. Чуть-чуть дымится
Полуостывшая зола.
На рѣчку сонную ложится
Фатою тающею мгла.

Спитъ мой товарищъ по охотѣ.
Беззвученъ ночи плавный ходъ.
Лишь проскрипитъ куликъ въ болотѣ,
Да рыбка сонная всплеснетъ.

Порою выпь тоскливо охнетъ,
И снова—ласковая тишь,
И надъ рѣкою не шелохнетъ
Ни лѣсъ ни дремлющій камышъ.

Все спитъ. Но странное волненье
Мнѣ сномъ забыться не даетъ.
А звѣзды сыплются съ высотъ,
Какъ драгоцѣнные каменья.

II.

Заря. Восторженное пламя
Ея побѣднаго огня
По небу стелется, какъ знамя
Вновь наступающаго дня.

Бѣгутъ на западъ ночи тѣни.
А горы въ пурпурѣ давно,
Какъ непорочныя ступени:
По нимъ, на тронъ, изъ райской сѣни
Подняться солнышко должно.

III.

Солнце, солнце взошло!
Надъ горою крутой
Засверкалъ, задрожалъ
Солнца лучъ золотой,

Пробѣжалъ по рѣкѣ,
Въ темный лѣсъ заглянулъ,
Отовсюду пошелъ
Жизнерадостный гулъ.

«Солнце, солнце взошло!»
Зашептали кусты,
И отъ счастья въ лугахъ
Прослезились цвѣты;

Засвѣтилась трава;
Вся земля ожила,
И звенитъ ея гимнъ:
Богу-Солнцу—хвала!

XLIII.

Сумерки.

Еще на небѣ ночь огней не зажигаетъ,
А гомонъ стадъ умолкъ. Прощальнымъ вздо-
хомъ дня
Вечерняя заря туманится и таетъ,
И долго въ тишинѣ, отчетливо звеня,
Дрожитъ и носится протяжный окликъ женскій,
Оборванная пѣснь и ржаніе коня,
Собачій лай и скрипъ калитки деревенской.

Но съ первою звѣздой за звукомъ гаснетъ звукъ,
И съ тьмою тишина плыветъ, чаруя землю.
Невѣдомой тоской душа полна... И вдругъ
Я замеръ, затаилъ дыханіе и внемлю:

Въ вечернемъ воздухѣ, дрожащемъ, какъ струна,
Волнуя, радуя и что-то обѣщая,

Бубенчикъ прозвенѣлъ. Всплеснулась тишина.
Клубится пыль вдали, и тройка удалая,
Какъ смѣлый барельефъ чугунный, въ полутьмѣ
На фонѣ золотомъ застыла на холмѣ.

Сюда?! Сюда?.. Увы, промчались кони мимо,
И только пыли столбъ, теряющійся звонъ,
Да сердца быстрый стукъ твердятъ неумолимо,
Что то былъ не миражъ, не грезы и не сонъ.

XLIV.

Ночное.

Ночь. Манитъ въ небеса звѣздъ таинственный хоръ.
Степь въ отвѣтъ ароматами дышетъ.
Убѣжалъ въ небеса ея ровный просторъ.
Среди степи пылаетъ унылый костеръ,
Вѣтеръ пламя лѣниво колышетъ.

Свѣтъ и тѣни дрожатъ на травѣ. У огня
Дѣти сказкѣ товарища внемлютъ.
Промелькнулъ силуэтъ одинокій луня.
Хворостъ, ежась, трещитъ... Звѣзды свѣтятъ, звеня.
Въ тепломъ сумракѣ лошади дремлютъ.

Ночь вплетаетъ въ ту сказку свои чудеса,
Ароматы и тайны и звуки...
Страхъ иль вѣтеръ порой шевелитъ волоса?

Злой волшебникъ... царевичъ... дѣвица-краса...
Привидѣнья... Блаженство и муки.

Коростель проскрипѣлъ. Конь заржалъ въ полуснѣ.
Свѣтъ костра обнимается съ ночью.
Звѣзды съ тихою дрожью звенятъ въ вышинѣ..
Полновластная сказка при блѣдномъ огнѣ
Предъ глазами проходитъ воочью.

XLV.

Облачко.

Плыветъ по небу облачко
Румяное, воздушное,
Лишь небесамъ послушное,
Далекое отъ золъ;

Съ нимъ въ небѣ синемъ носятся
На волѣ, беззаботные,
Лишь вѣтры перелетные,
Да царственный орелъ.

Гордится въ небѣ облачко;
«Мнѣ счастье улыбалося,
Лишь только я осталося
Отъ тучи грозовой;

Она упала на землю,
Горячую и пыльную,

Дождемъ-слезой обильною
Надъ нивой трудовой».

Шептало сладко облачко
И таяло мечтательно
Въ лазури обаятельной
Безъ пользы и слѣда;

А дождь, упавшій въ засуху
Надъ гибнущею нивою,
Наградой сталъ счастливою
Крестьянскаго труда...

XLVI.

Прощаніе.

Осеннимъ вечеромъ, деревню покидая,
Прощаясь съ ней — увы!—быть-можетъ, навсегда,
Широкой улицей я брелъ Богъ вѣсть куда,
Какъ очарованный, любуясь и мечтая.

Былъ вечеръ такъ хорошъ, какъ будто вся
краса
Природы, вся ея живое обаянье,
Душа, отрада, миръ, раскрылось на прощанье,
Чтобъ завтра отлетѣть въ родныя небеса.

Но не было ни слезъ ни даже — тѣни горя
Въ земной покорности: былъ свѣтлой грусти
мигъ.
Я шелъ, и вдругъ въ тиши услышалъ дѣтскій
крикъ
Задорный, искренній... Гляжу, а на заборѣ

Два мальчика; они безъ шапокъ, босикомъ,
На немъ, какъ на конѣ, держалися верхомъ
Такъ ловко и легко! Ихъ гибкія фигуры
Казались бронзовы; головки бѣлокуры;

Глазенки устремивъ въ задумчивую высь,
Руками черными махая въ знакъ прощанья,
Они кричали такъ, что плечи ихъ тряслись:
«Прощайте, милые! прощайте, до свиданья!»

Кому? Я въ небеса взглянулъ и вижу: тамъ
На фонѣ розовомъ, мечтательномъ и кроткомъ,
Подобно змѣйкою разсыпавшимся четкамъ,
Чернѣютъ журавли. Привѣтъ былъ журавлямъ.

Къ нестынущимъ морямъ, къ теплу и свѣту юга
Летятъ станицы ихъ и ласково другъ друга
Скликаютъ. Этотъ кликъ изъ глубины небесъ
Звучитъ гармоніей торжественной и чудной:
Какъ будто тихій дождь, прозрачно-изумрудный,

Чуть слышно падаетъ на желтый лугъ и лѣсъ.
И въ этомъ воздухѣ, недвижномъ и хрустальномъ,
Мнѣ чѣмъ-то дорогимъ, несказанно печальнымъ

Звучалъ прощальный крикъ играющихъ ребятъ.
Ихъ лица, голоса, — мнѣ дороги и милы;
И если у дверей зіяющей могилы
Я вспомню родину и осени закатъ,

И дѣтскія черты, и нѣжность восклицанья, —
Безъ грусти проводивъ послѣднюю зарю,
Я смерти улыбнусь и съ миромъ повторю:
«Прощайте, милые! Прощайте... До свиданья!»

XLVII.

Изъ Конопницкой.

Свѣтятъ звѣзды, свѣтятъ
Надъ землею сонной,
Только не для хлопа
Свѣтъ ихъ отдаленный.

Звѣздочка—повыше,
Что блеститъ всѣхъ краше,—
Для красавца-пана
Изъ усадьбы нашей.

Звѣздочка—пониже,
Надъ зеркальнымъ прудомъ,—
Для ксендза сіяетъ
Яркимъ изумрудомъ,

Третья, что бросаетъ
Съ неба снопъ огнистый

Серебристой пряжей,—
Та — для органиста.

Всѣ передъ глазами
Свѣтятъ, словно зори,
Только лишь для хлопа
Нѣтъ звѣзды на горѣ.

Въ древности глубокой,—
Говорятъ при этомъ,—
Богъ затеплилъ звѣзды
Равно яркимъ свѣтомъ.

Ни пановъ ни хлоповъ
Не было у Бога:
Всѣ имѣли звѣзды
Средь его чертога.

А какъ стали люди
На землѣ тѣсниться,—
Стали также звѣзды
Въ небѣ расходиться:

Панскія—сіяютъ
Серебромъ на волѣ,
Хлопскія — слезами
Всѣ упали въ поле.

XLIII.

Колыбельная пѣсня.

На вершинѣ Гималая
Колыбелька золотая;
Въ колыбелькѣ солнце спитъ;
Солнце вѣтеръ сторожитъ.

Только солнышко проснется,
Вольный вѣтеръ встрепенется
И несется всѣмъ сказать,
Что пора уже вставать.

Въ колыбель на мѣсто брата
Мѣсяцъ ляжетъ до заката,
И звѣзда, прильнувъ къ звѣздѣ,
Спятъ, какъ птенчики въ гнѣздѣ.

Вѣтеръ былъ имъ всѣмъ слугою;
А теперь передъ другою

Колыбелькою стоитъ:
Въ колыбелькѣ мальчикъ спитъ.

Звѣзды, мѣсяцъ одинокій
Пусть уснутъ въ выси глубокой.
Здѣсь на стражѣ вѣтеръ мой.
Уходи ты, волкъ, домой!

XLIX.

За кормой блестятъ извивы.
Чайка стонетъ на лету.
Струй веселыхъ переливы
Засмѣялись на борту.

Вдалекѣ съ морскою гранью
Море грань свою слило.
Нѣтъ конца очарованью.
Все воздушно и свѣтло.

Эта чайка, эта рыбка,
Промелькнувшая въ волнѣ,
Все вокругъ одна улыбка,
Сонъ, сіяющій во снѣ.

L.

Я шелъ тропинкою надъ кручей
Навстрѣчу бурѣ и грозѣ.
Полнеба было скрыто тучей,
Полнеба млѣло въ бирюзѣ.

Внизу глубокаго обрыва
Вода свѣтилась, какъ стекло.
Но влажной тѣнью молчаливо
Морскую даль заволокло.

Тамъ, въ неожиданной тревогѣ
Вскипѣла пѣною волна.
Пыль закрутилась по дорогѣ;
Дохнула вѣтромъ тишина.

Оживш҆ій парусъ вздулся туго,
Челнокъ до борта накреня.

Стрижи, привѣтствуя другъ друга,
Стегали воздухъ вкругъ меня.

Тѣнь все росла. Какъ дымъ пожара,
Все приближалася гроза,
Съ раскатомъ тяжкаго удара
Бросая молніи въ глаза.

Пронзила воздухъ чайка крикомъ;
Она была сестра моя.
Въ какомъ-то опьянѣньи дикомъ
Въ отвѣтъ, какъ птица, крикнулъ я.

И мнилось мнѣ: одно усилье,
Порывъ,—и съ бурею дружны
Внезапно выросшія крылья
Меня поднимутъ съ крутизны.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

ДРОЖЖИНЪ, С. Д. Поэзія труда и горя. Новое собраніе стихотвореній. Съ портретомъ автора и указателемъ статей объ его произведеніяхъ, составленнымъ И. Горбун[illegible]ымъ-Посадовымъ. 160+VII стр. Ц. **50 к.**, въ папкѣ [illegible] к., въ коленк. перепл. **1 р. 10 к.**

Его же. [illegible]овыя стихотворенія (1898—1903 гг.). Съ приложені[illegible]ъ пѣсенъ „Изъ старой тетради". 156 стр. Ц. **50 к.**, [illegible] папкѣ **70 к.**

ГОРБУ[illegible]-ПОСАДОВЪ, И. Земля-кормилица. Сборникъ пѣс[illegible] стиховъ, пословицъ и загадокъ. Съ рисунк. Ел. Бэмъ. [illegible]. **10 к.**

„Честь и слава всѣмъ трудамъ". Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ труду. 30 стр. Ц. **1½ к.**

КАЛЛАШЪ, В. В. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. 56 стр. Ц. **50 к.**

БАРЫКОВА. На память внукамъ. Сборникъ стихотвореній. Ц. **3 к.**

БАРЫКОВА. Стихотворенія и прозаическія произведенія. 320 стр. Ц. въ обложкѣ **1 р. 25 к.**

КНИГА ТОГО ЖЕ АВТОРА:

НА ВОСТОКЪ.

Путешествіе. Ц. **1 р. 25 к.** Изд. „Родникъ" (Альмедингена).

Одобрена М-вомъ Народн. Просв. для дѣтей средняго возраста.

Множество рисунковъ. Обложка въ краскахъ.

